

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации
Дубовой Светланы Сергеевны на тему:
Проблемы интерпретации архаизмов в романе Апулея «Метаморфозы»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по научной специальности
5.9.7. — классическая, византийская и новогреческая филология.
Научный руководитель – д.ф.н., профессор М. М. Позднев
(Санкт-Петербург, 2023; 225 с., библиография 162 наименования)

Диссертационная работа Светланы Сергеевны Дубовой посвящена **актуальным** вопросам стилистики латинского языка на примере текстов Апулея, язык которого отличается исключительным своеобразием. Давно подмечено, что стилистическая эклектика характеризует этапы развития литературного языка, следующие за периодом, который можно охарактеризовать как «золотой век» литературы. Такая ситуация наблюдается и с Апулеем, творчество которого относится ко II в. н. э. К этому времени римская школа уже выработала способы успешного обучения на разных уровнях образования. Характерно, что римская начальная школа в полном согласии с греческой традицией предлагала ученикам для чтения и разбора текст «Одиссеи» Гомера в переводе Ливия Андроника, язык которого, несомненно, должен был казаться архаическим и во многом искусственным. Литература, посвященная этим вопросам, значительна; на русском языке выпущен перевод книги Иринея Марру и имеются выдержавшая два отдельных издания статья И. В. Цветаева «Из истории римской школы». Несомненно, что в старших классах римской школы основное внимание уделялось риторике, причем в основе образования находилось стремление подготовить человека, способного, в первую очередь, овладеть жанрами судебного красноречия, необходимого при решении государственных дел. И то, и другое требовало стилистически взвешенной лексики, лишь в минимальной степени допускавшей как просторечие, так и

излишнюю возвышенность стиля. С. С. Дубова подробно рассматривает рекомендации Цицерона и Квинтилиана, касающиеся, в первую очередь, выработки приемов и навыков, необходимых для формирования речи оратора.

Эти полезные сведения, как отмечает сама С. С. Дубова, невозможно напрямую применить к роману Апулея как из-за жанровых различий, так и из-за различий, которые нередко формулировались как «африканская латынь». Мне не хватает в тексте противопоставления **диалектное : региональное**, исключительно важного для Римской империи, где диалектное фактически отсутствует (но ср. с. 18), а региональные различия, как показал Адамс, играли определенную роль.

С. С. Дубова резонно отказывается говорить о диалектных различиях в латинском языке, однако, цитируя книгу Адамса, который впервые показал различия такого рода, напрасно не упоминает о региональных особенностях, в т. ч. африканских. Я не совсем понимаю, почему из рассмотрения оказались исключены тексты бл. Августина, уроженца Африки, получившего образование в Карфагене и преподававшего риторику в Милане и в Риме. Он сам отмечал особенности, от которых старался избавиться, чтобы конкурировать с претендентами на место ритора в государственной школе (неизвестно, ограничивалась ли провинциальность только фонетикой или отражалась и в синтаксических предпочтениях, как думал Вяч. Вс. Иванов), но реальность некоторых особенностей, подходящих под определение «африканская латынь» засвидетельствована хотя бы косвенно. Как кажется, вполне уместно было бы также подробно сказать и о значительных по объему цитатах из Саллюстия у бл. Августина, которыми у нас специально занималась А. Новохатько. Влияние Саллюстия как мастера архаизации на появление архаизмов в романе Апулея, подчеркивает и сама С. С. Дубова.

Знание архаической (= неупотребительной) лексики прививалось со школьной скамьи, поэтому неудивительно, что такого рода лексика могла

попасть в литературное произведение. Таким образом, источник архаизмов может быть указан несколько более четко, нежели это сделал диссертант.

Когда мы исследуем античную литературу как целое, мы отчетливо понимаем, что трудно поставить что-нибудь рядом с теми вершинами человеческого духа, которые показала нам Античность. Мы можем расширить это утверждение, перенеся его на отдельные произведения, однако остается вопросом, насколько допустимо говорить о развитии лексической системы литературного языка как о чем-то уникальном: стилистические предпочтения зачастую меняются в ходе развития литературного языка, позволяя нащупать некоторые общие тенденции, учет которых особенно желателен при разборе текстов латинского языка.

Латинская стилистика в редчайших случаях может превращаться в науку, допускающую лингвистический эксперимент. В значительном числе случаев исследователю приходится переносить свое языковое чувство, выработанное на основе родного языка, на материал латинской прозы. Начитанность в латинских текстах приобщает нас к достижениям стиля, отраженным в отредактированном автором письменном тексте. Между тем, античная культура в меньшей степени, нежели современная русскоязычная или англоязычная культура, была связана с письменностью. С. С. Дубова специально подчеркивает роль рецитации в оценке художественного произведения, включая и «Метаморфозы» Апулея.

С общетеоретических позиций представляется желательным использовать достижения неологии как науки о появлении новых слов, в которой выработаны определенные критерии и закономерности, показывающие значение и важность появления новой устойчивой лексики. Для латинского языка важную роль сыграли неотерики, включившие целый пласт новых слов в лирическую поэзию. Для Апулея мы вероятно должны говорить как об архаической лексике, так и о новаторстве, что делает затруднительным применение ставшего уже классическим деления писателей на «архаистов» и «новаторов» в известной книге Ю. Н. Тынянова.

Неология как отдельный раздел лексикологии стала развиваться сравнительно недавно, но заявление: «Неологизмы в целом составляют такой раздел лексики, применение которого возможно только с большой осторожностью» — кажется не соответствующим сути дела: если я скажу *куранты*, имея в виду Вести-куранты, я могу рассчитывать, что меня поймут историки, но если я возьму это слово в значении *деньги*, меня никто не поймет, хотя речь идет об одном и том же заимствовании, остававшемся новым словом в языке на протяжении десятилетий XVIII века. Во всяком случае, лексикографическая формулировка «Очень часто к слову невозможно прикрепить нужный ярлык...» недопустима, поскольку речь идет о лингвистической характеристике, которая выражается в лексикографии пометами, говорящими о нормативности, устаревании или о нарождающейся норме употребления. С. С. Дубова не упомянула акад. В. В. Виноградова, который в русской лексике XIX в. помимо всего выделял поздние старославянизмы, часть из которых представляет собой неологизмы, а часть — действительно церковнославянские слова, просто употребленные в новом контексте, такие как *Голгофа революции*, которую отметил В. В. Набоков.

Особую ценность в тексте диссертации имеет контекстуальный анализ, составляющий центральную часть исследования (с. 70–208), в котором главное место отведено сопоставлению контекстов «Метаморфоз» с предшествующей литературной традицией. Автор при этом не оговаривает, что в нашем распоряжении нет значительного пласта жанров римской словесности, включая жреческие тексты, в которых, например, форма *Iovis* была традиционной. Нельзя исключить, что именно культовые, а не литературные тексты могли лечь в основу появления данной формы номинатива в тексте оракула. Я не буду подробно разбирать представленные списки проанализированных в диссертации слов, отмечу только логичность деления на архаичную лексику и новую. В ряде случаев можно было бы подчеркнуть оперирование внутренней формой слова, например (с. 137), латинское *nauita* от *nauis*, приобретающее исход основы на *-i* в латинском

языке, в отличие от *nauta*, почти совпадающего с греч. ναύτης / ναύτας. Слова, связанные с мореплаванием, недавно были рассмотрены О. С. Павловой. Для римской культуры греческое влияние в этой сфере деятельности особенно важно, но само латинское слово *navis* имеет праиндоевропейское происхождение, прошло свою историю, благодаря которой отличается суффиксом от корневых образований — греческого ναῦς и санскритского *nāuis*. Эту основную часть диссертации с детальным разбором конкретного материала следует оценить очень высоко.

В других отношениях филологический анализ мог бы быть шире, например, учитывая работы, посвященные началу VIII главы Евгения Онегина (с. 209) — комментарии В. В. Набокова, Ю. М. Лотмана и статью автора данного отзыва.

Все мои конкретные замечания относятся не столько к самой оценке диссертации, сколько к возможной доработке текста для последующего издания. В качестве рекомендаций на будущее хочу отметить необходимость более широкого использования лингвистических и литературоведческих исследований. Уже на с. 3 ставится вопрос, «каких писателей предпочитал читать сам автор и **образованные круги** римской интеллигенции II в. н. э.», который вызывает сразу предположение, что в Риме существовали необразованные круги интеллигенции и что автор не знаком с книгой Т. В. Блаватской об интеллигенции в Древнем мире. Неожиданным является лежащее вне традиции лексикографии различение **архаизмы : вульгаризмы** (с. 5 и с. 209) вместо **неологизмы**, которые отнюдь не всегда просторечны. Автор создал «исчерпывающий список слов, которые читатели романа Апулея воспринимали как архаичные» (с. 3), хотя на самом деле это список слов, которые методы современного лингвистического анализа позволяют квалифицировать как архаизмы. Еще раз подчеркну, что анализ конкретных лексем, осуществленный в основной части диссертации, выполнен на высоком филологическом уровне.

Из совсем мелких замечаний укажу на стилистические неудачи: с.10 «ко времени Саллюстия назрел конфликт между любителями старого и нового», а затем следующий абзац «Если вернуться к более раннему периоду, можно отметить, что в эпоху Возрождения»; с. 12. «в контексте становления Апулея как автора»; с. 14 «Апулей на уровне лексики постоянно стремится указать читателю на некие особенности, которых в действительности может и не быть»; «прямо утверждает» вместо *говорит* (с. 21); «зловоние (*fetor*) вычурных слов» у Светония не предполагает синестезии (с. 38), а говорит или о *тошнотворности* (перевод для данного контекста в словаре И. Х. Дворецкого), или, что более правдоподобно, от этих слов не столько *мутит*, сколько такие слова просто *набили оскомину*. Из совсем мелочей отмечу странное обращение с именами предшественников (Зитль стал Ситтлом, Кóзел — Коциолом (с. 5), не попавший в библиографию Кретчманн — с. 19) и немногочисленные опечатки, например, на с.13 прим. 1 отсутствуют accents во французском тексте.

Еще раз подчеркну, что все эти замечания касаются скорее будущей книги, нежели самой диссертации. Автор хорошо проработала римскую риторическую традицию, в первую очередь — Цицерона и Квинтилиана, хотя в ряде случаев не использует доступные современные исследования: Кальболи Монтефеско была бы не лишней на с. 29, где речь идет о «цветистости».

Диссертация Дубовой Светланы Сергеевны на тему «Проблемы интерпретации архаизмов в романе Апулея «Метаморфозы»» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития классической филологии в Российской Федерации, где в настоящее время наблюдается недостаток высококвалифицированных филологов. Тем самым диссертация Дубовой Светланы Сергеевны на тему «Проблемы интерпретации архаизмов в романе Апулея «Метаморфозы»» имеет существенное значение для развития страны.

Актуальность диссертации, рассматривающей выбор писателем лексических средств, в настоящее время не может ставиться под сомнение. В современной России изучение языка и стиля отдельных писателей находится в бедственном положении, которое необходимо исправлять. С этой точки зрения рассматриваемая диссертация исключительно актуальна и восполняет пробел в существующих исследованиях. Стилистический анализ лексики представляет собой важную задачу, обладающую всеми признаками **новизны** даже в синхронном плане, а определение семантического наполнения слова и его стилевых особенностей в разные периоды истории латинского литературного языка требует сверх того реконструкции целого культурного слоя.

Содержание диссертации Дубовой Светланы Сергеевны на тему «Проблемы интерпретации архаизмов в романе Апулея «Метаморфозы»» полностью соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Дубова Светлана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Председатель диссертационного совета
Доктор филологических наук, академик РАН
научный руководитель ИЛИ РАН,
профессор СПбГУ

23 января 2024 г.

Н. Н. Казанский